

АРКАДИЙ
НЕДЕЛЬ
—
СОЦИАЛЬНАЯ
ИСТОРИЯ
ДВУХ
УДОВОЛЬСТВИЙ

Аркадий Неделъ

**Социальная история
двух удовольствий**

«Алетейя»

2020

УДК 165
ББК 87.22

Недель А. Ю.

Социальная история двух удовольствий / А. Ю. Недель —
«Алетейя», 2020

ISBN 975-5-00165-072-0

Эта книга - необычный эксперимент, в ней собраны тексты автора, опубликованные на портале журнала «Сноб» и самые интересные комментарии к ним разных людей, по большей части ему незнакомых. Сеть не заменила ни реальность, ни восприятие этой реальности, она ее известным образом продлила, как пистолет продляет руку. Сегодня сосуществование сети и реального мира - то же самое, что реальность и миф у людей древности, земная жизнь и мир мертвых у древних египтян, шумеров или даже греков. Социальные сети -это «мир по ту сторону», где каждый может побывать еще при этой жизни. «Социальная история двух удовольствий» сделана как вырезка мнений из бесконечного информационного потока. Эту книгу можно назвать opinion book по аналогии с facebook'ом - причем мнения выражены на самые разные темы. В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

УДК 165
ББК 87.22

ISBN 975-5-00165-072-0

© Недель А. Ю., 2020
© Алетейя, 2020

Содержание

Предисловие	5
Дональд Трамп и американский постмодернизм	7
«Тощий народ». Французы против полицейского государства	12
Эстетика Северной Кореи. Ким #3	17
Психоделик Путин	31
Конец ознакомительного фрагмента.	36

А. Ю. Недель

Социальная история двух удовольствий

Предисловие

Fair is foul and foul is fair¹.
Шекспир

Эта книга – необычный эксперимент. В ней собраны тексты автора и самые интересные комментарии к ним разных людей, по большей части ему незнакомых, изначально опубликованные на портале Сноб. С одной стороны, вести диалог с незнакомыми людьми, или «друзьями» по соцсетям и блогам – дело привычное. У многих из нас уже давно нет визитных карточек, а у многих их никогда и не было; люди обмениваются адресами фейсбука или инстаграма. «Ты есть в фейсбуке?» сейчас звучит, как «ты за мир?» – риторический вопрос, который подразумевает естественный ответ «да».

В известном смысле, поколение соцсетей – или поколение f – нейтрализует поколенческие различия, о которых писал немецкий социолог Карл Мангейтм и с точки зрения которого, эти различия столь существенны, что от каждого нового поколения требуется пересмотр почти всех ценностей предыдущего, в более простых терминах – конфликт отцов и детей. С другой стороны, соцсеть – это только интерфейс, на котором так или иначе эти конфликты возникают, потому что никакая сеть не может отменить восприятие конкретным человеком того или иного события, произошедшего в реальности. Пусть это, скажем, будет присоединение Крыма или пенсионная реформа, ну или менее значимые события – люди на них реагируют совершенно по-разному и в зависимости от их жизненного, профессионального, интеллектуального и прочего опыта.

Не менее интересны реакции «сетевиков» на события в самой сети. Например, выход на Youtub'e какой-нибудь новой песни, клипа, лекции и проч. Интересно, что и на такое виртуальное событие могут быть самые разные реакции – от полного неприятия до восторга, от ненависти к обожанию. И, если пренебречь откровенным троллингом, то эти реакции также выдают различия в индивидуальном и социальном восприятии виртуальных событий.

Сеть не заменила ни реальность, ни восприятие этой реальности, она ее известным образом продлила, как пистолет продляет руку. Сегодня сосуществование сети и реального мира – это по сути то же самое, что реальность и миф у людей древности, земная жизнь и мир мертвых у древних египтян, шумеров или даже греков. Подобно тому, как мы проводим часть жизни в социальных сетях, Интернете, который для многих уже больше, чем чисто виртуальное пространство, люди древности создавали мифы и жили в них с неменьшей, видимо, верой в реальность своих мифологических персонажей и событий. В том же Древнем Египте убежденность в существовании мира после смерти, своеобразной виртуальной реальности, была настолько велика, что эта, земная жизнь у многих – от фараонов до строителей пирамид – оказывалась не более, чем подготовкой к жизни «по ту сторону».

Можно сказать иначе: наши социальные сети – это «мир по ту сторону», где каждый может побывать еще при этой жизни. Но так или иначе, как и наши древние предки, мы живем одновременно в двух реальностях, одновременно конкурирующих и дополняющих друг друга.

«Социальная история» сделана как своего рода вырезка мнений из бесконечного информационного потока – мнений, которые могут совпадать по тому или иному вопросу, а могут и

¹ «Зло есть добро, добро есть зло» (пер. Б. Пастернака).

расходиться настолько, что дискуссия порой кажется виртуальным мордобитием. Всех людей, чьи комментарии собраны в книге, объединяет только одно – все они наши современники. Во всем остальном – образовании, политических предпочтениях, стране проживания, возрасте и прочим – эти диспутанты разнятся между собой.

По аналогии с facebook'ом эту книгу можно назвать *opinion book* – причем мнения выражены на самые разные темы: от того, можно ли убить младенца Гитлера, окажись вы с ним в одной комнате, до обсуждения роли орального и анального секса в современном обществе; от вопроса, является ли сегодняшнее общество в России диктатурой до некрофилической структуры власти в Северной Корее, от оккультных истоков нацизма до вопроса, почему власть не называет Алексея Навального по имени. И многое прочее.

Собранные вместе и звучащие одновременно в этой книге, голоса современников образуют своеобразную полифонию, о которой еще писал Михаил Бахтин и которая, по его мнению, характеризует романы Достоевского. Или, кто-то может это воспринять как додекафонию, изобретенную Арнольдом Шёнбергом, где не существует самой идеи благозвучия или неблагозвучия. 12 тонов октавы находятся между собой в равном соотношении, нет предпочтений или «главного» тона, а их серия образует уникальную звуковую последовательность. В нашем случае это не тоны, а люди, еще точнее – сетевики, многие из которых никогда не встречались друг с другом в реальной жизни и которые говорят так, как могут – иногда складно и по делу, иногда коряво, иногда аргументированно или, если эмоции побеждают над стилем, – желчно.

Но все эти мнения спонтанные, поэтому часто резкие, но по большей части искренние. Самое антропологически интересное в этом – посмотреть, какие именно темы и сюжеты волнуют наших современников. И оказывается, что кроме насущных политических вопросов, нас продолжают волновать темы морали, выбора, ценности жизни, интимности...

И еще: все разговоры о том, что людей сегодня не интересует ничего, кроме денег и комфорта, безосновательны.

Дональд Трамп и американский постмодернизм

В одном из своих интервью Славой Жижек сказал о Дональде Трампе буквально следующее: «Трамп – это настоящая катастрофа, его избрание означает разложение публичной морали». Если это политический анализ, то он, мягко говоря, ниже среднего, так что будем считать, что Жижек просто хотел рассмешить слушателя. Смешно, когда постмодернистский автор пытается быть моралистом, значит и ему трудно расстаться с определенными иллюзиями. Впрочем, словенский философ далеко не одинок в своем непопадании в цель, когда речь идет о нынешнем американском президенте. Так, в книге «Опасный случай Дональда Трампа» (2017)² под редакцией судмедэксперта Бэнди Ли, собраны мнения двадцати с лишним психиатров и психологов, которые утверждают, что ментальное состояние президента Америки вызывает серьезное опасение и что мы имеем дело с законченным нарциссом и социопатом. Сама Ли ранее заявляла о том, что Трамп балансирует на грани умственного помешательства и не может быть лидером сверхдержавы. Рони Джексон, лечащий врач президента, выступая в Белом Доме перед представителями прессы, всех успокоил: за исключением легкой близорукости, здоровье его пациента в полном порядке и он проживет еще уйму лет.

Как бы то ни было, парадокс заключается в том, что все суждения о Трампе как о политике (и человеке) не имеют смысла или, скажем мягче, неполны по той причине, что Трамп – не политик, а литературный персонаж, точнее даже – литературное произведение, и в политику он пришел не столько из бизнеса, сколько со страниц культовых романов или как отдельный роман, смоделированный в первую очередь с «JR» (1975) Уильяма Гэддиса и «Бесконечной шутки» (*Infinite Jest*, 1996) Дэвида Фостера Уоллеса. Между выходом этих двух романов – два десятилетия, в которые и умещается «золотой век» американского литературного постмодернизма; в этот же период Трамп создает свой основной капитал, реальный и символический.

Разумеется, за это время было создано немало авангардных романов: «Радуга земного притяжения» (1973) Томаса Пинчона, который подытоживает то, что можно было бы назвать «Америка как жанр»; «Женщины и мужчины» (1987) Джозефа Макэлроя, который отвечает Пинчону, описывая Америку на микроуровне, потому что у Пинчона это геометрическая, эзотерическая конструкция; «Туннель» (1995) Уильяма Гасса, где происходит еще большее интровертирование нарратива – рассказ профессора истории в американском университете о его жизни в нацистской Германии; «Любовница Виттгенштейна» (1988) Дэвида Марксона – о женщине, считающей себя последним человеком на Земле. Но для того, чтобы понять почему Трамп сегодня президент США, нам важнее первые два романа, которые стоят ближе всего к нашему герою.

Итак, мой первый тезис: Если «Аватар» Джеймса Кэмерона – это самый кассовый (но не первый)³ в истории кино фильм в 3D, то Дональд Трамп – последний и самый кассовый американский постмодернистский роман, написанный в 3D. Более того, это новый тип литературы, когда произведение совпадает с главным персонажем. Кроме того, между «JR», «Бесконечной шуткой» и Трампом существуют формальные сходства, они заключаются в том, что все три произведения очень объемны, если не сказать избыточны. «JR» построен как семисотстраничная полифония, похожая на вагнеровскую в «Гибели богов» (в романе много музыкальных аллюзий), где крайне сложно уследить за тем, кто говорит. В нескончаемом диалоге, или точнее – полилоге, где стирается грань между речью персонажей и авторским текстом, читатель должен сам угадать говорящего, становясь тем самым частью этого эксперимента.

² Lee, Bandy X., *The Dangerous Case of Donald Trump*, New York: Thomas Dunne Books, 2017.

³ Первым анаглифическим (3D) фильмом была «Сила любви» (1922) реж. Н. Деверич и Г. Фэйролл.

Трампа тоже объемён, даже скорее избыточен, если о нём судить с политической точки зрения. Застройщик помпезных зданий в Нью-Йорке, президент строительной компании Trump Organization, основатель Trump Entertainment Resorts, специализирующейся на гостиничном и игорном бизнесе, на протяжении десяти лет владелец конкурса «Мисс Вселенная», cameo в телесериалах, исполнительный продюсер и десять лет ведущий реалити-шоу «Кандидат» на канале NBC, президент США.

Как и в «JR», Трамп говорит сразу несколькими голосами и, как и в романе Гэддиса, у него нет авторской речи или она спрятана настолько хорошо, что читатель «Трампа» её не распознает. Любой голос Трампа – это голос одного из персонажей этого произведения, чей текст всегда открыт, потому что каждый раз мы должны угадывать, кто с нами говорит.

Это с одной стороны. С другой – нерелевантно, как это обычно делают политические аналитики, обвинять Трампа во лжи на том основании, что сегодня он сказал одно, завтра – противоположное, сегодня он друг России, завтра – враг; сегодня он называет Ким Чен Ына «человеком-ракетой и психом», а завтра – «великой личностью» и т.п. Трамп в этом не более лжив, чем герои «JR», где звонки по телефону школьника J R, стремящегося сделать деньги на грошовых акциях (penny stocks), обсуждающего какие-то школьные дела, сливаются с разговорами с банковскими служащими в некий неразделимый и едва понятный гул языка.

Отсюда мой второй тезис: язык Трампа, как и подобает постмодернистскому роману, устроен таким образом, что доводит политическое высказывание до своего предела, делая его бессмысленным и смешным. В «JR» безусловно присутствует юмор, который начинаешь замечать пройдя сотню страниц. Работа с языком у Гэддиса в чём-то напоминает работу с языком у Владимира Сорокина, например, в «Очереди» (1983) или «Тридцатой любви Марины» (1984), где происходит постепенная нейтрализация речи различных персонажей в безликую языковую массу – в язык без носителя. Если Сорокин таким образом сводил счеты с удушливым языковым пространством СССР, то Гэддис берет в кавычки американский мир, с его идеологией обязательного успеха, достижением своей мечты и т.п., который в романе превращается в словесный конвейер, не производящий никаких смыслов. Замечу в скобках, что Гэддису ответит венгерский режиссер Дьердь Палфи фильмом «Икота» (2002), где за все время произносят буквально пару предложений, и вся картина состоит из шумов деревенской жизни.

Третий тезис: Трамп делает смешным политический язык, а саму политику развлечением. И это тоже важный аспект американского постмодернистского романа: все то, к чему мы привыкли относиться серьезно, даже с известной долей благоговения, оказывается более или менее веселым анекдотом, закадровым смехом в комических сериалах. Именно Уоллес в своем романе, который написан не без оглядки на «Форест гамп» (1986) Уинстона Грума и «Уловку 22» (1961) Йозефа Хеллера, – где смех над американскими клише-ценностями уже становится лейтмотивом, – предсказал приход во власть такой фигуры, как Трамп. Или не предсказал – создал, потому что, оказывается, в Америке, как и в России, литературный текст может создавать реальность.

«Бесконечная шутка» – сложный объемный текст (более 1000 страниц), имеющий фрактальную структуру – бесконечное самоподобие частей целому, – сам Уоллес его сравнивал с треугольником Серпинского; в нем 388 ссылок, у которых еще есть свои примечания, аморфный сюжет и нелинейное время повествования. Действие романа происходит в фантазмагорической Америке будущего, где оказываются слиты США, Канада и Мексика. Корпорации получают право делить время и покупать годы, называя их именами наиболее известных пищевых, медицинских и прочих товаров: Воппер (сорт гамбургера), Tucks Medicated Pad (пластырь от ожогов), ширпотребное мыло и т.д.

Нарративные линии романа, их четыре, переплетаются в форме некоего сериала, который не заканчивается и должен развлекать публику, что становится все труднее, поскольку развлечение требует постоянной смены картинок, как в рекламе. Тем в романе несколько: тен-

нис, квебекские радикалы, планирующие государственный переворот, наркотики, алкоголизм, элитные студенческие клубы, насилие, терроризм, – и все это по сути ничем не отличается от рекламных роликов, продающих очередной сорт гамбургера, мыла или женских прокладок.

Индустрия развлечения заходит в тупик, поскольку то, что она продает оказывается скучнее политических новостей, но и они уже мало кому интересны. Организация Североамериканских Наций (Organization of North American Nations), официальное название суперстраны, устроена так, что людям интересно не содержание конкретного события или передачи, а ее продолжение, т.е. чистый перформанс.

Английская аббревиатура названия суперстраны – O.N.A.N., прозрачный намек на библейского Онана, который, согласно тексту, предпочитал проливать семя на землю, нежели оплодотворять овдовевшую жену своего брата. Онанизм – сериал без результата, развлечение без содержания.

Уоллес в своем романе ставит очень русский вопрос: что нам делать со всей этой мировой скукой, имеющей разные имена – реклама, политика, наркотики, борьба с терроризмом и т.п., но одну и ту же природу? Ответ приходит от Трампа – до президентства которого писатель не дожил, покончив с собой в 2008 году, – развлечение должно стать не досугом после или вместо работы, а самой работой, самой жизнью, тем более политической. Поэтому, как в свое время в Европе был жанр романа воспитания, Трамп – это роман развлечения. И как все новое, многие, воспитанные на классической литературе, его не воспринимают.

Кто-то говорит, что он напоминает Рейгана и сильную Америку, которой удалось выиграть Холодную войну, другие подчеркивают его непотопляемость как бизнесмена. Кто-то говорит о нем как об успешном шоумене, эдаком новом Финеасе Барнуме, умеющим привлечь к себе внимание толпы и т.п. Но все эти суждения неточны. Трамп, повторю, это новый, и возможно последний, жанр постмодернистского романа. Хилари Клинтон проиграла ему не потому, что периодически падала в обморок и выглядела на фоне крупного Дональда немощной старушкой, а потому что была предсказуема, а значит скучна.

Коллапс либеральных ценностей, а он происходит сегодня на наших глазах, превратил политику как искусство серьезного и основательного в искусство развлечения. А развлечение отличается от серьезного занятия, как минимум, двумя вещами: во-первых, оно не терпит длительности, главный принцип развлечения – быстрая смена ситуации; во-вторых, в развлечении отсутствует моральный принцип (что так напугало Жижека).

Почему, на мой взгляд, Трамп – это интересный роман? Потому что в нем удивительно сочетаются две вещи: с одной стороны, он как никто другой, пусть в гротесковой форме, отвечает либеральной идее свободного индивида, идея, умершая *de facto*, но фантом которой продолжают еще эксплуатировать.

Трамп – предприниматель, шоумен, человек, который реализует свои мечты, он, проще говоря, присутствует в избытке, как товары широкого потребления. В то же самое время, Трамп настоящий в том, как он превращает клише-ценности и скуку в развлечение, десакрализуя власть, при этом умело используя американскую идеологическую догматику. И такая десакрализация власти необходима, чтобы ее увидеть как бесконечную шутку.

Анна Квиринг → Аркадий Недель

Высказывайтесь свободно – будьте литературой!

Я вообще-то не просто «литература», я стихийный процесс – «буря в стакане» :) по псевдониму. В виртуальном общении мы все не совсем «люди из плоти и крови», мы некие образы, разной степени внутренней согласованности, и согласованности с «реальными» людьми-авторами.

Правда, до Трампа нам далеко...

Эдуард Гурвич → Аркадий Недель

«Словесный конвейер, не производящий никаких смыслов». – Вытаскиваю, Аркадий, вот эту Вашу ключевую фразу о Трампе. Увидеть на Снобе анализ многословных писателей-американцев в проекции явления «Трамп» любопытно для меня именно в этой точке – нынешний американский президент есть литературный персонаж. Разбирать же его аморальность – уровень мышления западных советологов прошлого. Славой Жижек казался мне глубже.

Аркадий Недель → Эдуард Гурвич

Уважаемый Эдуард, нам действительно давно пора отказаться от штамповок и клише, которыми полны, как политологические анализы, так и литкритика. Сейчас литература и политика сливаются в единое целое, и это крайне интересный процесс. По сути, последний аккорд постмодерна, дальше будет еще интереснее. К Жижеку я отношусь с симпатией, но он часто бывает непростительно банален. Вы можете меня послушать на ютубе. Дайте мне ссылки на Ваши тексты, если они есть в интернете.

Эдуард Гурвич → Аркадий Недель

Спасибо, дорогой Аркадий, за такой быстрый ответ по существу. Честно говоря, меня очень настораживает «сливание литературы и политики». Но скорее, в контексте: сливание литературы в политику. Со штампами и клише в политических анализах и даже литературной критики я тоже как-то мирюсь. А вот в литературе – нет.

Аркадий Недель → Эдуард Гурвич

Вы правы, превращение литературы в политику опасно, вернее – очень нежелательно, но мы сейчас наблюдаем и обратный процесс, а это даже здорово. Так что – не все потеряно!

Наум Вайман

Жижека ты славно уделал, и поделом. И насчет того, что Трамп – это постмодернистское развлечение политикой – тоже славно умозаключение. И то, что самое важное – быть нескучным. Но это, мне кажется, не только «сегодняшняя» ситуация, разве не всегда так было? И самое интересное, на мой взгляд как эта «несерьезная» попытка быть в политике нескучным любой ценой сочетается с реальной жизнью людей и даже их жизнью и смертью. А ведь сочетается. Но это, надеюсь, тема твоих дальнейших изысканий.

Анна Квиринг → Наум Вайман

Как эта «несерьезная» попытка быть в политике нескучным любой ценой сочетается с реальной жизнью людей

– да, как раз думала об этом написать. Читать «роман Трампа» – это хорошо, а вот оказаться в этом романе «второстепенным персонажем», «статистом», «шумом за сценой»... Тем более что с «неглавными героями» авторы обычно не церемонятся, могут и убить, для остроты сюжета...

Анна Квиринг

Как эта «несерьезная» попытка... сочетается с реальной жизнью людей

Если попробовать серьезно ответить на вопрос о несерьезности: возможно, дело в том, что действия политика в устойчивом государстве не в состоянии серьезно повлиять на жизнь людей.

То, что действительно важно – технический прогресс, глобализация, политические и экономические институты – не зависит от воли конкретных людей, даже от президентов. Что-то серьезное – критические изменения законодательства, или, например, объявление «большой» войны – в устойчивом государстве не пройдет, завязнет в уйме согласований.

Политика – это сказка, мы в СССР всегда это знали, когда нам рассказывали про коммунизм.

Вот к чему я бы придралась: «в развлечении отсутствует моральный принцип» – это почему же? «Сказка ложь, да в ней намек»: развлекая, сказки воспитывают (чтобы не сказать – диктуют) в том числе и моральные ценности. Выбирая президента, люди выбирают, какую сказку они хотят слушать.

Если, конечно, у каждого своя сказка, а не так, как получилось – сказка против скучной реальности.

Андрей Родин → Аркадий Недель

«В одном из своих интервью Славой Жижек сказал о Дональде Трампе буквально следующее: «Трамп – это настоящая катастрофа, его избрание означает разложение публичной морали». Если это политический анализ, то он, мягко говоря, ниже среднего, так что будем считать, что Жижек просто хотел рассмешить слушателя. Смешно, когда постмодернистский автор пытается быть моралистом».

Ты не прав, что он умеет только смешить. Он умеет быть серьезным в моральных суждениях. Это для меня извиняет его т.н. «постмодернизм» – и без всяких измов заставляет уважать этого парня. То, что он именно так высказался о Трампе для меня ожидаемо, и никакой иронии или преувеличения я в его словах не вижу.

Аркадий Недель → Андрей Родин

«Как бы то ни было, парадокс заключается в том, что все суждения о Трампе как о политике (и человеке) не имеют смысла или, скажем мягче, неполны по той причине, что Трамп – не политик, а литературный персонаж, точнее даже – литературное произведение, и в политику он пришел не столько из бизнеса, сколько со страниц культовых романов или как отдельный роман, смоделированный в первую очередь с «JR» (1975) Уильяма Гэддиса и «Бесконечной шутки» (Infinite Jest, 1996) Дэвида Фостера Уоллеса».

С тем, что Трамп – скорее литературный, чем политический персонаж, я согласен. Но офис он занимает политический, а не литературный. Что угрожает разрушить сам этот офис в его нынешнем виде. А альтернатива ему вырисовывается самая мрачная – фашизоидная, если говорить коротко. Превращение политики в литературу и наоборот – это прямой путь к фашизации. Поэтому я не согласен с тобой, что суждения о Трампе как политике не имеют смысла. Тут я на стороне Жижека и Тони Снайдера, который подробно высказался на ту же тему, используя контекст и опыт Восточной Европы и СССР.

«Тощий народ». Французы против полицейского государства

Восстание желтых жилетов вызывает одновременно радость и грусть. Грусть – потому что может быть упущен хороший шанс перемен, шанс сменить вялотекущий гостеррор, который правит во Франции последние десятилетия. Но все спонтанные народные восстания, о чем еще писал Ленин, обречены на провал. У желтых жилетов нет в руках ни четкой программы, хотя нельзя сказать, что такой программы нет в принципе, ни лидера. Все так называемые оппозиционные политики, типа Марин Ле Пен или Жан-Люка Меланшона, которые очень переживают за свой народ по телевизору, и не думали выйти с ним на улицы.

Многие задаются вопросом: неужели незначительное поднятие цен на топливо могло спровоцировать такую реакцию? Нет, конечно. Дело не в топливе. Это не более, чем повод. Признаться, меня рассмешил комментарий телеведущего Дмитрия Киселева, который увидел за этими выступлениями режиссуру американского правительства. Это-де таким образом президент Трамп среагировал на идею Эммануэля Макрона создать европейскую армию. Смешно, правда?

Если представить себе некую мировую политическую иерархию, то Макрон в ней – менеджер среднего звена, кем он является и по сути. Даже если предположить, что Трампу не понравилась идея европейской армии, то было бы вполне достаточно одного звонка, и Макрон бы тут же взял под козырек.

Макрон закончил Национальную школу администрации (ENA), чтобы было понятно – это аналог советской Высшей партийной школы (ВППШ), где готовили кадры для работы в горкомах и обкомах партии. В ВППШ главным образом преподавали марксизм-ленинизм, причем преподавали его полуграмотные агитаторы сталинского призыва; в ENA преподают похожий бред, только с учетом современных реалий, такие же полуграмотные «политологи». Главная задача: уничтожить в слушателях даже намек на самостоятельное мышление. Любой шаг в сторону, любое высказывание, которое не соответствует нынешней пропаганде, поставит крест на карьере. Затем он поработал в банке Ротшильда, занимаясь инвестициями. Говорят, вполне удачно. Но государство – не банк и не корпорация (о чем еще писал американский экономист Пол Кругман, когда критиковал идею о том, что богатый класс знает, как сделать процветающей целую нацию или страну), логика управления им совершенно иная, однако ни Макрона, ни его друзей это не беспокоит. Он мыслит в категориях: вкладчик-прибыль, спрос-предложение; государство-клиентура, из которой надо извлечь максимум дивидендов.

Макрон – поклонник теории Йозефа Шумпетера (1883- 1950), одной из ключевых фигур австрийской экономической школы, – построенной во многом на концепции «созидательного разрушения» (*schöpferische Zerstörung*), которую он заимствовал из книги Вернера Зомбарта «Война и капитализм» (1913). В «Капитализме, социализме и демократии» (1943) Шумпетер, следуя за Зомбартом, утверждает: движение экономики вперед зависит от новых потребителей, ввода новых товаров, методов производства и, главное, технологических инноваций. Инноватор – стержень структурных перемен в любой индустрии, он не боится разрушить старое, чтобы потом построить новое. Он созидает через разрушение, но при этом сама система всегда стремится к состоянию равновесия, т.е. к такому состоянию, когда максимум вовлеченных в систему производителей и потребителей находят ее справедливой, – настаивает экономист, отсылая нас к старой схоластической идеи, что справедливость есть равновесие⁴ – спра-

⁴ Подробнее об этом: J. Kaye, *A History of Balance, 1250–1375. The Emergence of a New Model of Equilibrium and its Impact on Thought*, Cambridge: Cambridge University Press, 2014. С. 76 и далее.

ведливое распределение (*nemētikon dikaion, iustitia distributiva*), – о чем писал еще Аристотель в своей «Этике».

В идее «созидательного разрушения» нет ничего неестественного, так функционирует не только социум, но и во многом мир природы (класс животных, которых называют паразитами – инноваторы в природе). Также нет ничего плохого в том, что Макрон (теоретически) ратует за «разрушительно-созидательную» экономику. Проблема в другом, и Макрон не может этого не понимать: в условиях тотального этатизма и полицейского режима, в котором уже очень долгое время находится Франция, подобного рода экономические процессы едва ли возможны, они неизбежно натолкнутся на бюрократические препоны, что все время и происходит. Нельзя забывать, что Зомбарт, писавший свою книгу накануне Первой мировой войны, ориентировался на совершенно другое общество, нежели современная Франция. Кроме того, Шумпетер, развивавший эту идею, был учеником другого крупного австрийского экономиста, Ойгена фон Бем-Баверка (1851- 1914), одна из основных идей которого заключалась в том, что экономическая система должна быть основана на бережливости и общей полезности (отсюда же его теория субъективной ценности), т.е. когда настоящее поколение не живет в кредит, тем самым отнимая будущее у своих детей, а, напротив, сберегает накопленные блага для следующего поколения. Во Франции все происходит с точностью до наоборот, нынешний президент этого даже не скрывает.

На президентских выборах г-н Макрон позиционировал себя как внесистемный кандидат, что само по себе звучит анекдотично. Во время предвыборной кампании Макрон выпустил книгу под названием «Революция» (2016), в которой, выпускник ЕНА и *banchero* Ротшильдов предлагает французскому народу «демократическую революцию» (хороший сюжет для пьесы Ионеско) и которая читается, даже стилистически, не иначе как пародия на «Мую жизнь» (1928) Муссолини. Впрочем, почему бы и нет? Как однажды сказал Дуче в 1919 году, на учредительном собрании «Итальянского союза борьбы»: «Мы позволим себе роскошь быть одновременно аристократами и демократами, революционерами и реакционерами...». По сути книга Макрона – это растянутая на двухстах страницах демагогия о равенстве шансов, европейских ценностях, «общем доме», вызовах времени, экологии, свободе предпринимательства и т.п., не имеющая ничего общего с реальными проблемами людей в этой стране. А когда люди пытаются о них заявить, то власть делает так, чтобы эти заявления оставались не более чем шумовым эффектом. Примеры: в воскресенье 16 декабря в Париже были перекрыты около сорока станций метро; Елисейские поля, где должно было состояться очередное выступление, оцеплены; у журналистов и фоторепортеров A2PRL (Агенство печати и радио), у независимых журналистов отбирали технику, заставляли уничтожить фотоматериалы – как в случае Вероник де Вигери, чей фотоаппарат полицейский пообещал сжечь⁵, – а непокорных забирали в участки для «особого дознания».

Бунт желтых жилетов – это бунт людей, доведенных системой до полного отчаяния, и дело не в конкретном Макроне – он очередной момент в долгой истории презрения класса чиновников и политических мажоров к обыкновенным французам. Французы – законопослушный, точнее закончестивый народ, и чтобы они вышли на улицы бунтовать против власти нужны экстремальные обстоятельства. Почему такие обстоятельства возникли? Их глубинные причины не в дне сегодняшнем. Во время революции 1789 года во Франции произошло очень важное метафизическое событие: Бог был заменен Законом, тело Христово – телом Левиафана. Именно с тех пор французов приучили относиться к закону как к Богу, недаром наблюдательные китайцы называют эту страну «государством закона» (*fǎ guó*), и следуя этой логике, налоги во Франции, которые удерживают экономику в тисках с мировым рекордом 47% ВВП, – это

⁵ См.: https://www.francetvinfo.fr/economie/transports/gilets-jaunes/info-franceinfo-gilets-jaunes-une-vingtaine-de-photoreporters-et-journalistes-independants-vont-porter-plainte-pour-des-violences-de-la-police_3100937.html

насильственная евхаристия. Сейчас мы наблюдаем за тем, как это «этактическое тело Христа» терпит крах.

Крах, потому что политический цинизм во Франции достиг уровня СССР позднего Брежнева с его лозунгами «Вперед, к коммунизму!», «Народ и партия едины» и проч. Когда в своем интервью еженедельнику *Le Point*, уже будучи на посту президента, Макрон заявляет: «Европа погрязла в бюрократическом вмешательстве... В то же время все согласны, что Левиафан должен их [людей] защитить»⁶, то возникает вопрос, как это сочетается с обещанной ранее «демократической революцией»? Остаться под защитой Левиафана и делать демократическую революцию – это примерно, как пытаться согреться в морозильной камере. В том же интервью: «мы – страна завоевателей...», – говорит президент Республики, – и в минувший понедельник, несмотря на многочисленные устные и письменные протесты, без всякого референдума, подписывает «Маракешский договор», по которому будет увеличено количество иммигрантов против воли 80% французского народа (официальная статистика).

«Страна завоевателей», где миллионы живут на минимальную зарплату, а огромное количество пенсионеров впроголодь, открывает свои двери людям, прокормить которых она сможет только очередным увеличением налогов и сокращением бюджетных средств на медицину и образование. Последнее и без того превратилось в заидеологизированную фабрику по производству посредственностей (это касается в первую очередь гуманитарных дисциплин). Не случайно требованиями желтых жилетов, среди прочего, было исключить идеологию из образования и критически пересмотреть деструктивные и дискредитированные методики обучения.

Бунт желтых жилетов очень похож на восстание итальянских *чомпи* (чесальщиков шерсти) в 1345 году, которые тоже громили лавки, кидали камни в правительственные войска и требовали улучшения условий труда. Это была борьба «тощего народа» (*popolo minuto*) с «жирными пополами» (*popolo grasso*), классом обеспеченных горожан, принадлежавших во Флоренции к определенным цехам, в сущности к процветающим корпорациям. Желтые жилеты – это именно *popolo minuto*, восставшие против жирных пополов-чиновников, получающих огромные зарплаты, часто освобожденные от налогов. Другая, более близкая к нам аналогия, – 1905 год в России, несостоявшаяся революция, массовые стачки рабочих и отсутствие ясной экономической и политической программы, сейчас даже не так важно, насколько она будет потом воплощена в жизнь.

Мой прогноз: если в ближайшие три-пять лет не произойдут радикальные перемены, и государство не уступит часть той социальной территории, которую оно занимает, то есть, если оно не даст возможность людям самим решать пусть не внешнеполитические, но как минимум социальные, человеческие вопросы (образование, браки, изгнание идеологии из сфер общественной жизни...), то серьезный гражданский конфликт неизбежен. В России понадобилось двенадцать лет, чтобы революция произошла. У французов столько времени нет.

Сергей Кравчук

Кто же, по Вашему, не менеджер среднего звена, а возглавляет «мировую политическую иерархию» и может решиться на «радикальные перемены»? Эта статья же призыв для них, раз народ ничего не может сделать?

Аркадий Недель → Сергей Кравчук

Тот же Трамп или Путин, конечно, не менеджер среднего звена. Вы правы, народ радикальных перемен не делает, но и без него ничего не сделать. Радикальные перемены всегда делаются новыми, свободно мыслящими элитами, более или менее вовлеченные в политику.

⁶ Emmanuel Macron: le grand entretien// *Le Point*, 30 août 2017.

Эдуард Гурвич

Убеждения Макрона Вы изложили внятно. У меня было впечатление, которое сложилось из общения с моими французами слушателями, что ЕНА – кузница кадров для высших эшелонов власти. И обычно они закатывали глаза: о, он выпускник ЕНА. Но я доверяю больше Вашему анализу. Кстати, Жак Атали и компания, а также предыдущий президент, откуда? Мне интересна также фигура Шумпетера. Я плохо помню, что писал о нем Саша Кустарев (Донде). Но Вы-то, конечно, знаете. Спасибо Вам. Все, что я прочитал о Макроне – чрезвычайно интересно.

Аркадий Недель → Эдуард Гурвич

Спасибо за Ваш комментарий! Из ЕНА вышли практически все французские чиновники, кроме Саркози. Это действительно советская ВПШ, и там уютно чиновничий аппарат высокого ранга. Этатизм во Франции достиг драконовских размеров, а это путь в никуда, вернее – в революцию, которая явно зреет. Люди устали от этой полувековой (как минимум) лжи и лицемерия. Тут даже дело не Макроне, он явился последней каплей. Его обещания оказались очередным фуфлом, и это привело к взрыву.

Эдуард Гурвич → Аркадий Недель

По сути, ЕНА, вероятно, и смахивает на наши высшие партийные школы. Но им не угнаться, думаю. Один из выпускников ВПШ, ставший премьером, помнится, писал, что расплакался, когда в годы перестройки впервые приехал в США, зашел в супермаркет и увидел десятки сортов колбасы, сыров и прочего... Любопытно, а что, Макрон не понимает, что этатизм – путь в никуда? И кто из лидеров Франции предлагает радикальные программы, которые уведут общество от края – от революции?

Аркадий Недель → Эдуард Гурвич

Эдуард, спасибо за творческую поддержку! Не думаю, что Макрон вообще заморачивается на эту тему. Они абсолютно убеждены, что их плебс – по-другому они к обыкновенным людям не относятся (так их учат) – пошумит и успокоится. Мол, не впервой. Они считают, увы, не без оснований, что послушание французов власти и вера в «Государство» дает им право делать все, что они захотят. Многие поколения воспитаны в духе полной покорности и веры, что правительство в их стране ну никак не хочет им зла. Это был сильный идеологический наркотик, надо признать, вполне умело приготовленный, но его действие подходит к концу... На Ваш вопрос отвечу кратко: никто.

Эдуард Гурвич → Аркадий Недель

Любопытно бы проанализировать состав участников протестов «Желтые жилеты». Эгалитаризм, который сводится в известных слоях французов к уравниловке, может быть, и есть одна из причин усиления роли государства. И, может быть, дело не в послушании и не в покорности французов, когда они рассуждают о власти и государстве, а в какой-то иронии и самоиронии, когда я слушаю их. Это очень своеобразная и чисто французская философия, порой, малопонятная уху других европейцев.

Аркадий Недель → Эдуард Гурвич

Не думаю, что сейчас им до самоиронии. Хотя сатирические ролики про Макрона продолжают выходить, неплохо сделанные, к слову. ЖЖ – это рабочие, мелкие служащие, пенсионеры... Словом, низкий средний класс, по сути самая уязвимая часть населения. Они вышли на улицу от полной безысходности, потому что они прекрасно знают, что это единственный способ заявить о том, что они еще живы.

Эстетика Северной Кореи. Ким #3

В одной из школ Пхеньяна, которую посетил Ким Чен Ын, в специальном зале под стеклом хранятся два стула, на которых посидел «любимый и уважаемый руководитель» (официальный титул Кима); на карте школы красными стрелками отмечена вся траектория его пути по школе, не говоря уже о куче его портретов на школьных стенах. Такого не было даже при Сталине. Кто-то скажет: это тоталитаризм в его наиболее чистом виде, тоталитаризм, доведенный до высокого искусства. Но я не уверен, что именно это слово подходит для описания ситуации в Северной Корее.

Ким Ир Сен – «пожизненный президент страны», его место не может занять никто, он сам является местом, откуда происходит или, говоря словами средневекового философа Плотина, эманурует власть. Можно сказать и по-другому: Ким Ир Сен в массовом сознании, точнее – в сознании той части населения страны, которая не подвергает все это сомнению, похож на знаменитую кошку Шредингера: он жив и мертв одновременно. С одной стороны, он лежит в мавзолее, люди кланяются его памятникам – от молодоженов и пенсионеров до трехлетних детей; с другой стороны, правильная точка зрения та, что Ким Ир Сен не умер, он продолжает находиться здесь и сейчас, вместе со всеми. Он не может умереть. Примерно такой же статус и Ким Чен Ира, он, среди прочего, «отец народа» (### ##), «солнце нации» (### ##), «солнце социализма» (#### ##), который, как правило, всегда изображается со своим отцом, его забальзамированное тело тоже разместили в мемориальном мавзолее «Кымсусан», рядом с телом отца. Ким Чен Ир – двуприроден, он принадлежит одновременно миру небесному и земному. Согласно официальной биографии, второй Ким родился на священной горе Пэктусан, а его появление на свет сопровождалось рядом чудесных явлений, как двойная радуга. После смерти первого и второго Кима массовая истерия скорби может быть сравнима только с ожиданием конца света в Европе в позднем Средневековье. Огромные толпы людей кидались на землю в плаче и реве, ревели дикторы телевидения в прямом эфире, плохо скорбящих наказывали. Похороны Сталина на этом фоне кажутся тихим семейным прощанием с любимым дедушкой.

Если проводить параллели (которые всегда чреваты неточностью), два Кима схожи с Отцом и Сыном в христианской традиции. Но вот проблема: третий, нынешний Ким Чен Ын, тоже обожествленный персонаж. Его появление на публике, в любом месте (пример со школой) вызывает религиозный экстаз, хотя этот последний Ким находится у власти не так давно. А стиль жизни, например, второго Кима был далек от христианского святого, как, впрочем, и любого другого. Он любил коньяк «Хеннеси», французские вина, чья огромная коллекция находилась в погребках его резиденций, черную икру, суп из акульих плавников, американские боевики, сладости, ночные попойки. К слову сказать, не случайно, что между третьим Кимом и Трампом, несмотря на предшествующий «трэш-ток», кажется, все же возникли определенные симпатии, пусть и эфемерные. У них, как ни странно, есть что-то общее даже на уровне эстетики – у обоих аляповатые прически, телесная грузность, открытый интерес к женщинам, известная кинематографичность в поведении.

Известный поворот Ким Чен Ына в сторону публичности и личной политической эстетики заметили во время его апрельской речи в 2012 году под названием «С энтузиазмом пойдем к полной победе, высоко держа знамя Сонгуна» (## #####), приуроченной к столетию его деда. В этой речи третий Ким позиционировал себя уже не как тень Кима 2, а как человека со своим лицом, к которому следует побыстрее привыкнуть, и не только северокорейцам. Это лицо с ежиком отличалось от двух предыдущих тем, что устанавливало, кроме политической, эстетическую программу. Ким 3 – главный герой сериала «КНДР», где зрители и остальные актеры суть одно и то же. Когда Дональд Трамп пришел в Белый дом, то Ким Чен Ын, надо думать, увидел в нем не только коллегу, но и партнера по

мировой съемочной площадке. Не исключено тоже, что северокорейский руководитель видит в Трампе отца, которого он бы хотел иметь, и по-сыновьи называет его «слабоумным стариком».

В христианской традиции, на что обратил внимание историк Жак Ле Гофф, обожествление, канонизация человека при жизни была запрещена еще в средневековье. Основная причина заключалась в том, что никто при жизни не мог иметь абсолютного авторитета, живой человек не мог обладать сверхъестественными способностями, к которым Средневековье относилось всегда с определенным подозрением. Надо признать, что это было умное правило. В Северной Корее есть багровая бегония, которая называется «Кимченырия» и фиолетовая орхидея «Кимерсеня» и, вероятно, скоро появятся и «Кимченыния». Обожествление властителей – отнюдь не новая практика, она существовала у многих народов и во многих царствах древности. Например, парфяне называли своих монархов «брат Солнца и Луны», что напоминает северокорейский солнечный культ Кимов. Портреты двух Кимов висят повсюду, в большинстве пхеньянских квартир этот диптих играет роль своеобразного алтаря, особенно в домах социально успешных граждан.

Ким Чен Ир был большим любителем и теоретиком кино, которым он увлекся еще в ранней молодости. Он сам писал сценарии, непосредственно участвовал в съемочном процессе, патронировал актеров, которые ему нравились, написал книгу «Об искусстве кинематографа» (1973) и даже выкрал (по одной версии) южнокорейскую актрису Чой Ын Хи и ее мужа Син Сан Ока, которые в течение восьми лет работали на северокорейскую киноиндустрию. Сан Ок снял несколько фильмов, продюсером которых стал Ким Чен Ир, самый успешный из них – «Пульгасари» (1985), вариант корейской «Годзиллы», картина о чудовище, помогающим батракам. Ким Чен Ир сменил стиль правления своего отца в том плане, что его политика во многом стала напоминать съемки фильма, а страна – съемочную площадку. У хорошего режиссера в фильме не бывает случайных кадров, актеры не могут нести отсебятину, все просчитано до самых мелочей, то же происходило в Корее второго Кима. Актеров, не справлявшихся со своей ролью, снимали со съемочной площадки и отправляли постигать собственные ошибки, как это однажды произошло даже с Сан Оком.

Если верить интервью, которые брали западные журналисты у простых корейцев, самая большая их мечта – это увидеть «великого маршала (бойца)» (###) в жизни, лицезреть его присутствие. А когда это случается, особенно, если человек находится в толпе, с ним и со всей толпой случается экстаз, похожий на тот, который испытывали средневековые монашки, когда им удавалось визуализировать Христа, или добропорядочные немки времен нацизма, когда видели фюрера. В таком квазирелигиозном экстазе есть что-то очень женское: желание отжаться объекту своего культа. Тоталитаризм (если уж употребить это слово) в своей глубинной природе женственен. Воинственная маскулинность нацизма с его изображением атлетических тел, устрашающая символика СС, северокорейская военная эстетика с роботообразными солдатами, демонстрирующими мощь своей страны, и проч., все эти экстатические практики, весь этот эксгибиционизм имеет много общего (антропологически) с женским типом поведения, когда женщина, чтобы понравиться и спровоцировать мужчину на ее завоевание, показывает свою неприступность. В одном из павильонов, где проходила ежегодная национальная выставка цветов, одна из участниц сказала, что силу корейского оружия мы изобразили тысячами цветов.

Анна Квиринг

Огромные толпы людей кидались на землю в плаче и реве, ревели дикторы телевидения в прямом эфире, плохо скорбящих наказывали.

«плохо скорбящих наказывали» – не знаю, стоит ли искать другие причины «всенародной скорби», кроме этой.

Но вообще-то скорбеть в этом случае разумно: смерть вождя знаменует окончание уже известного зла; не будет ли новое зло тяжелее предыдущего? –

разумное опасение в условиях, когда у тебя нет выбора, и придется принимать то, что есть. Пожалуй, можно и всплакнуть об окончании зла, к которому уже притерпелись. Настоящий оптимист всегда знает, что может быть еще хуже.

Аркадий Недель → Анна Квириг

Анна, спасибо за комментарий! Весь трагизм ситуации в том (трагизм, с нашей точки зрения), что большинство людей оплакивало умершего вполне искренне, не только из-за страха быть наказанным. Когда люди не знают ничего другого, кроме такой системы жизни, то смерть тирана пугает своей неизвестностью: «дальше может быть хуже». Примерно то же ощущение было у многих в Союзе после смерти Сталина. Зло бесконечно, поэтому и страх перед еще большим злом впереди всегда сопровождает человеческое существо, будь то кореец или русский или человек неолита.

Анна Квириг → Аркадий Недель

Страх перед еще большим злом впереди всегда сопровождает человеческое существо

– думаю, к живым диктаторам это тоже относится.

Почему народ не голосует иначе? Потому что знакомое зло лучше незнакомого. И нет никаких оснований предполагать, что новое избранное Нечто (Некто) не окажется злом.

Аркадий Недель → Анна Квириг

Относится, да, но парадокс в том, что каждый диктатор считает, что он вечен – так устроена метафизика диктатуры. На мой взгляд, кощунством было бы даже сравнивать Россию при Путине и Корею при Кимах. Можно, разумеется, по-разному относиться к Путину, но он не диктатор. Происходящее в России иного свойства.

Эдуард Гурвич → Аркадий Недель

Да, Аркадий, кощунством можно называть и это сравнение, и «воинственную маскулинность нацизма» и сталинизма в устремлениях советского помпезного изобразительного искусства при изображении атлетических тел... Но в том-то и дело, что, как мне кажется, утешать себя тем, что Путин не диктатор, вредно и наивно. Хотя и практично. В известных же случаях это вопрос безопасности для тех, кто живет и трудится в России. Что понятно и извинительно...

Анна Квириг → Эдуард Гурвич

«Воинственную маскулинность нацизма» со сталинизмом

Ну вроде как сравнение сталинского «Большого стиля» и стилистики Третьего Рейха уже не то чтобы не кощунство, а скорее «общее место», я об этом читала еще в 2010 году, в Часкоре у Драгунского: «Помет валькирий». И, соответственно, результат вброса этого продукта на вентилятор.

Аркадий Недель → Эдуард Гурвич

Поскольку Ваш комментарий схож с последним комментарием Анны (см. выше), я отвечу сразу на оба – Вам и Анне. Россия так сделана, что, в отличие от США или Италии, власть в ней завязана на одного

человека, который у власти *hic et nunc*. Это было даже при самом демократическом Ельцине, то же было при «анти-сталинисте» Хрущеве, при самом «демократичном» царе Александре II и т.п. Тут дело не в конкретном лице во власти, а в ментальном восприятии власти в России. «Без царского слова ничего не делается», это не совсем так, Анна. Чаше эти слова элементарно игнорируются, сегодня, возможно, еще больше, чем в былые времена. Путин – не диктатор уже по той причине, что для наличия диктатуры необходима жесткая идеология, как для образования льда необходима минусовая температура. В современной России такой идеологии нет. Сегодня во Франции больше диктатуры, чем в России.

Анна Квириг → Аркадий Неделё

Для наличия диктатуры необходима жесткая идеология – это определение?

Идеология принципиального отсутствия идеологий (строгая подчиненность шкурным интересам своей группы) годится?

Впрочем, многие, вероятно, припишут российской власти любовь к идеологии «Русского мира».

Кажется, большинство сегодня сходится в определении российского режима термином «мягкий авторитаризм».

Аркадий Неделё → Анна Квириг

Нет, «шкурных интересов» мало для наличия идеологии. Идеология – это система аксиом, похожая на аксиоматику Гильберта (это для математиков), только вместо математических концептов – культурные. Только тогда это идеология. «Мягкий авторитаризм» – это, примерно, как «сладкая женщина», каждый это определяет по-своему.

Анна Квириг → Аркадий Неделё

Идеология – это система аксиом, похожая на аксиоматику Гильберта, только вместо математических концептов – культурные.

– перечитывая разборку, зацепилась за этот момент.

В какой степени можно сравнивать гуманитарные концепты с естественнонаучными? ... может быть, это слишком широкий вопрос. Возьмем применительно к случаю: какая «система аксиом» есть в какой-нибудь определенной идеологии, заслуживающей этого названия?

Владимир Невейкин → Аркадий Неделё

А как Вы объясняете существование «Южной Кореи»? Почему там народ вполне себя неплохо чувствует при демократии и защите прав на жизнь и собственность, не создает себе кумира в лице очередного главы государства (а наоборот, в тюрьму их садит за превышение, скажем мягко, полномочий). Или это 38-я параллель так повлияла на менталитет :)

Аркадий Неделё → Владимир Невейкин

Югу повезло. Как Вы знаете, конечно, в результате корейской войны и американской поддержки, а именно генерала Макартура, в ЮК был установлен относительно демократический режим. Сегодня это роскошная страна, правда,

не без проблем внутри. Но у не есть своя идеология, в отличие от нашей страны сегодня. Хорошо это или плохо – другой вопрос.

Владимир Невейкин → Аркадий Недель

Проблемы есть у всех стран, даже у Швейцарии с Монако... Мы говорили о менталитете народов и его роли в выборе, скажем, способа самоуправления. Типа, этот народ не видит себя без «национального лидера», а другой народ – на дух его не переносит. Менталитет штука такая, складывался как бы столетиями-тысячелетиями и не должен меняться «от сиюминутного везения», а уж тем более быть так легко переломленным «одним генералом», к тому же иностранным. Какая-то несерьезная «отмазка» для такого «важного фактора» (по Вашему мнению) в исторической судьбе народов.

Аркадий Недель → Владимир Невейкин

Ну так а в чем несостыковка? В ФРГ и ГДР? Один народ, одной части повезло больше, чем другой. Я не сказал, что в КНДР как проекте есть что-то специфически корейское. Северу просто не повезло. Впрочем, любой народ можно свести до состояния рабов, если очень постараться. А в СК постарались.

Владимир Невейкин → Аркадий Недель

Вот и славно. Рад, что Вы разделяете точку зрения, что не от менталитета народа зависит выбор, а от «везения и внешних обстоятельств». Поэтому говорить, что северные корейцы чуть ли не добровольно и по своей ментальной воле живут такой жизнью какую устроили им «солнцеликие» Кимы, это как утверждать, что люди находились в немецких или сталинских концлагерях «по своему выбору». Типа, им там нравилось... Хотя Ромену Роллану так тоже показалось при посещении сталинских «трудоармейцев» на Соловках.

Катерина Мурашова → Аркадий Недель

Аркадий, Вы же сами в своем материале приводите массу исторических параллелей, из которых следует, что КНДР вовсе не ад (мы же не будем утверждать, что значительная часть наших предков прожили свои жизни в аду?) – тут даже не надо вспоминать парфян и нацистскую Германию, можно почитать например нашего Куприна – очень яркое описание чувств молодого военного при лицезрении Государя, а удивительный государственно-психологический реликт, сформировавшийся стечением обстоятельств в 20 и сохранившийся в 21 веке. Мне лично кажется, что существовать этому реликту осталось недолго и ужасно жаль, что его сейчас так трудно наблюдать и изучать специалистам – на самом деле изучение одного из последних реликтов нашего общего прошлого нмв также важно для понимания человеческой истории, психологии и эволюции государственности как допустим работы первых немецких этнографов конца 18, первой половины 19 века, которые еще застали практически нетронутые цивилизацией архаические общества...

Аркадий Недель → Катерина Мурашова

Все, что Вы пишете – верно, если бы не одно «но»: 22 мил. северокаорейцев – не реликтовые насекомые, которых интересно изучать энтомологам. Это живые люди, которые уже 70 лет живут в режиме военного лагеря (это тем, кому везет) и несколько сотен тысяч в аду корейских

концлагерей. В СК есть много детей, которые никогда не видели мира за пределами колючей проволоки. Эти дети расплачиваются за «грехи» своих родителей. В СК разрешены пытки над детьми. Так что это не «архаическое общество», которое было вполне нормальным обществом с многих точек зрения, а нечто совсем иное.

Катерина Мурашова → Аркадий Недель

Разумеется, Аркадий, Вы правы. И «дикари», которых изучали немецкие этнографы, и которые на их глазах самым зверским образом убивали нарушивших племенное табу соплеменников и каменными ножами резали тела своих детей для всяческих ритуальных целей – были абсолютно живыми, думающими и чувствующими людьми. И да – Северная Корея это вовсе не древнее Парфянское государство, а нечто совсем иное, также как жившие в 18 веке первобытные племена не были кроманьонцами 40 века до нэ. Со всем этим я безусловно согласна. Но в чем посыл? Вы полагаете, что Северную Корею как она есть (а она все равно есть, одобряем мы это или не одобряем) и пока она существует, не надо и даже вредно (?) изучать? Но почему?

P.S. Любое (не только архаическое) общество нмв «нормально» только со своей собственной точки зрения. С точки зрения любого другого, существенно отличающегося от него, общества оно «ненормально». Римляне считали дикарями жителей Британии. Мусульмане-традиционалисты считают развратным современное западное общество. На мой взгляд, сегодня практически важно не кто кого кем считает, а что он (считающий) по этому поводу предпринимает – идет ли туда нести «правильную» веру, «правильные» порядки, «правильное» государственное устройство.

Аркадий Недель → Катерина Мурашова

Катерина, разве я где-то говорил или писал, что СК не надо изучать? Вопрос в том, что ее изучение затруднено, ну, примерно так, как затруднено изучение жителей сентинельского острова. Я против того, чтобы изучать или рассматривать СК как энтомологический объект (как это иногда делают).

Под «нормальностью» я имею в виду, конечно, устройство архаического социума с современной точки зрения. Мы уже отказались от изучения архаики как «дикарства», что было чертой исторической антропологии на ее заре.

Катерина Мурашова → Аркадий Недель

Мы уже отказались от изучения архаики как «дикарства»

Правда? А у меня иногда складывается иное впечатление, когда я читаю нечто претендующее на анализ от «западников» про наше общество или от «наших» про общество, допустим, в Туркмении... Такие, знаете ли, там определения порой попадают... Прямо начинаешь немного скучать по «энтомологичности» немецких этнографов, хотя они конечно тоже еще те фрукты были...

Аркадий Недель → Катерина Мурашова

Это верно, о России на Западе продолжают писать именно так, и они не собираются отказываться от этого. Причины этому далеко не научные.

Владимир Невейкин → Аркадий Недель

Диктатура совсем не требует никакой идеологии (даже религии в ее системном виде). Идеологичность диктатур примета достаточно позднего времени. Какая идеология была у египетского фараона? Он просто объявлял себя богом. К чему другие оправдания! Кто сомневался – тому разного рода казни... Вот когда этого стало явно не хватать для легитимации своего исключительного положения, то тогда стали притягивать «идеологии». А можно и без них... От этого диктатор не перестает быть диктатором...

Анна Квиринг → Владимир Невейкин

Диктатура совсем не требует никакой идеологии

– как я понимаю, здесь расхождение в определении «диктатуры». Как и расхождение в определении «идеологии». Мне вот представляется, что «шкурные интересы своей группы» – идеология, и весьма жесткая и полная...

Аркадий Недель → Анна Квиринг

Это не так. Тому доказательство политическая история XX века, не говоря уже о более ранних периодах истории. «Диктатура» – это не эмоция, это четкий политический (антропологический) феномен, у которого есть свои основания, как у математики.

Владимир Невейкин → Анна Квиринг

Это и есть сущность всех диктатур. Все остальное лишь маскировка. Даже если сами «вожди» в нее искренне верят. Впрочем, это их и часто губит преждевременно. Нельзя верить собственной пропаганде...

Сергей Мурашов → Аркадий Недель

Тут дело не в конкретном лице во власти, а в ментальном восприятии власти в России.

Аркадий, а где, по-Вашему, хранится у человека информация, обеспечивающая его «ментальное восприятие»?

Катерина Мурашова → Сергей Мурашов

На мой взгляд, «ментальное восприятие», о котором здесь идет речь, хранится в группе, а не в личности. Когда отдельная особь или даже личность попадает в другую систему «ментального восприятия власти», например, в страну с другим государственным устройством, она как правило вполне к ней приспосабливается. А вот если в эту же страну компактно попадает достаточно большая группа (например, беженцы из мусульманских стран в западные страны) носителей другого «ментального восприятия» – возможны варианты...

Сергей Мурашов → Катерина Мурашова

На мой взгляд, «ментальное восприятие», о котором здесь идет речь, хранится в группе, а не в личности.

Конечно.

Но я вот о чем: это «ментальное восприятие» – довольно волатильное свойство, способное быстро улечиваться без внешней подпитки, и сравнительно легко подверженное «перереформатированию».

Эти самые «беженцы из мусульманских стран» – находясь в «достаточно большой группе», такую подпитку имеют и, следовательно, могут сохранять свои традиционные взгляды в течение неограниченно продолжительного времени. А те же северные корейцы попали под пресс государственной машины Кимов, которая отжала из них прежнее восприятие и заменила его новым...

Сергей Мурашов → Аркадий Недель

Технически Путин, конечно, не диктатор.

Но со стороны он запросто может им казаться – хотя отчасти это впечатление создается, видимо, не действиями самого Путина, а действиями других людей.

Сергей Мурашов → Анна Квириг

Почему народ не голосует иначе? Потому что знакомое зло лучше незнакомого.

Я бы сказал, что ситуация немного сложнее. Но этот аргумент тоже весьма популярен, несмотря на его очевидный недостаток: «да, наша лодка тонет, но я не буду пересаживаться на другую, про которую я ничего не знаю, – вдруг она потонет еще быстрее»...

Анна Квириг → Сергей Мурашов

Ситуация немного сложнее

– да, конечно, это только один из мотивов.

Возможно, более распространено убеждение о благодетельности нынешней власти, или хотя бы спектр оценок варьируется в широких пределах +/- . Но даже если оценка окажется строго отрицательной – никаких выводов, может быть, и не последует. Никто не кинется голосовать за «иное» зло, если говорить о голосовании.

Аркадий Недель → Сергей Мурашов

На Ваш вопрос – «где находится менталитет?» – отвечу кратко: в сознании людей. Хочу повторить еще раз: северокорейский тоталитаризм – не вина корейцев, так сложились исторические условия, что часть этого народа стала заложником живодерского режима. Насчет Камбоджи: Вы ошибаетесь, число погибших уже давно в целом установлено многими экспертами без всяких бывших красных кхмеров, это число примерно 2 мил. человек из 8 мил. населения в этой стране на тот период, т.е. 4-ая часть всего народа. Далее, не знаю, откуда Вы взяли, что я считаю что-то «хуже» или «лучше»... если из моего сравнения красных кхмеров с нацистскими лагерями, то понятия «лучше»/ «хуже» здесь неприемлемы. Отвечая Владимиру Невейкину, я настаивал на том, что опыт Камбоджи (по числу убитых людей) самый ужасающий в XX веке в послевоенный период. Ни в какой стране мира власти не сумели уничтожить четверть населения страны. Тот факт, что этих убийц практически не судили, – Пол Пот сдох сам, а остальные «братья» спокойно доживали свой век, – для меня это – преступление западных стран. Если уже цивилизованный мир вмешался в кхмерские дела, то камбоджийский Нюрнберг должен был иметь место.

По поводу замечания Бориса Цейтлина об идеологии: никакой особой энигмы в этом нет. Идеология – аксиоматическая система, содержащая некий набор культурных ценностей и политических идей (сейчас не важно, хороших или плохих). В отличие от религии, у идеологии нет трансцендентного начала, она прежде всего имеет дело с миром здесь и сейчас. От политики идеология отличается тем, что она более стабильна и не меняется в зависимости от конкретной исторической ситуации. Существуют гибридные формы идеологии, как, например, коммунизм, где есть много религиозных элементов.

Эдуард Гурвич → Аркадий Неделё

Замечу лишь то, о чем написал в своем комментарии Сергей Кондрашов: «случай Камбоджи беспрецедентен в первую очередь тем, что был расследован иностранными оккупантами и международными организациями». Считать же «преступлением западных стран», что они не устраивают «нюрнберги» над происходящим в странах с коммунистическими иллюзиями – это странно... Как и попытки сопоставления числа жертв Холокоста, устроенного нацистами, и количества погибших в Камбодже Пол Пота... Подобные сопоставления кажутся мне нелепыми в принципе.

Аркадий Неделё → Эдуард Гурвич

Если Запад, как минимум после войны, и в частности США, взяли на себя миссию нести «демократические ценности» всему миру и т.п., то суд над убийцами четверти своего народа – это дело не «коммунистических иллюзий», а общечеловеческой справедливости. Следуя Вашей логике, тогда незачем было устраивать и Нюрнберг над «разделявшими нацистские иллюзии»... То, что Пол Пот и его поделщикам дали уйти от международного суда – безусловно преступление. Если Запад держит нейтралитет и не вмешивается в дела «плохих стран», тогда почему судили Милошевича, человека, даже рядом не стоящего с Пол Потом? Список можно продолжить. Я, кажется, ясно написал: выяснение, что «лучше» или «хуже», нацизм или красные кхмеры, – нерелевантно.

Сергей Кондрашов → Аркадий Неделё

То, что Пол Пот и его поделщикам дали уйти от международного суда – безусловно преступление.

Все же это фактически не совсем так. Суд над основными организаторами геноцида в Камбодже был, он имел ряд характеристик именно международного суда, и лидеры камбоджийских коммунистов получили свои приговоры.

https://ru.wikipedia.org/wiki/Чрезвычайные_палаты_в_судах_Камбоджи

То, что не судили Пол Пота, так он умер к тому моменту, когда повстанцы начали массово сдаваться. Гитлера тоже не судили. По той же причине.

Аркадий Неделё → Сергей Кондрашов

В отличие от Гитлера, Пол Пот прожил еще 20 лет после своего поражения в 1979 году. США (ООН) знали о его местонахождении (он продолжал вялое сопротивление еще много лет), уже после образования демократического правительства. Никто и не подумал его арестовать, хотя это

было несложно, и предать суду как военного преступника. Кроме того, никто из главных «братьев» красных кхмеров так же не был судим международным трибуналом. Почти все дожили до глубокой старости.

К слову, похожая история с Иди Амином (Уганда), который занимался канныализмом своих оппонентов. Амин, конечно, не Пол Пот, но он тоже довел Уганду до крайней нищеты и массовых убийств. И ему дали скоротать свой век в Саудовской Аравии, его тоже никто не судил. Давайте будем откровенны: международные суды сегодня не для настоящих преступников, а для *невыгодных* преступников, как Мелешевич.

Сергей Мурашов → Аркадий Недель

Пол Пот – преступник масштаба Кампучии, не уверен, что при нем убили хотя бы одного американца, даже принц Сианук, личный друг американских президентов, не пострадал. С какой бы стати США (ООН) ловить камбоджийского подданного на территории Камбоджи? Это дело Камбоджи, и если это не нужно камбоджийцам, то зачем это кому-то еще?

И, наверное, Вы не слишком хорошо знаете, что такое настоящие джунгли: я как-то раз потерял килограмм шесть, пройдя вниз по склону горы несколько километров, и потратив на это несколько часов... Конечно, если организовать экспедицию, оснащенную всем необходимым, можно найти кого угодно и где угодно, но в диких джунглях это совсем не так просто, как в населенном пункте.

Сергей Кондрашов → Аркадий Недель

Если Запад держит нейтралитет и не вмешивается в дела «плохих стран», тогда почему судили Милошевича,

«Запад» не является субъектом права. «Запад» никого не судит и ни во что не вмешивается. Вмешательство осуществляют конкретные страны. А уж подсудность зависит от воли местных властей. В каких-то случаях они предпочитают переложить ответственность на международный суд – Босния, Сербия, Хорватия, Руанда. В других считают суд и расправу необходимым элементом суверенитета – Ирак. В третьих – стараются найти промежуточный вариант. Так было в Камбодже.

Аркадий Недель → Сергей Кондрашов

«Запад» в данном моем высказывании означает «конкретные страны». Вы так шутите? Ирак – это пример «суверенитета»? Не говоря уже о том, что вся кампания была изначально построена на полной лжи. В Ираке и близко не было никакого хим. оружия, но ребятам Буша мл. нужно было взять Ирак под свой «патронаж». Были и субъективные причины: Буш мл. хотел довести до конца то, что не сделал его отец. Саддам, разумеется, был убийцей. Но почему brave ребята из Белого дома и Пентагона его не свергли, когда он травил десятки тысяч курдов? Вы не задумывались...

Сергей Кондрашов → Аркадий Недель

Не могу согласиться практически ни с одним из Ваших тезисов. По поводу Ирака не надо «задумываться», достаточно прочитать одну или, лучше, несколько монографий, посвященных событиям того периода. История вопроса хорошо изучена. Никаких тайн там нет.

Аркадий Недель → Сергей Кондрашов

Задумываться, Сергей, надо всегда, если Вы не хотите походить на хорошего северокорейского гражданина. Что касается книг об иракской войне, то я достаточно информирован, поскольку читал не только английские, но и арабские источники.

Сергей Мурашов → Аркадий Недель

Но ребятам Буша мл. нужно было взять Ирак под свой «патронаж».

Эм...

Надеюсь, Вы не имели в виду, что американцы просто желали разжиться иракской нефтью, как принято думать в определенных российских кругах.

Заявленная американцами идея состояла в том, что Саддам, при практически неограниченных ресурсах, обеспеченных запасами нефти, был фактором критической нестабильности в регионе, и, как по мне, с этим невозможно спорить. Вот поэтому и была предпринята военная кампания, а вовсе не для «обогащения» за счет иракской нефти, и не из-за страдающих иракских курдов.

Аркадий Недель → Сергей Мурашов

Вы пользуетесь клише, похожими на те, которыми пестрили передовицы советских газет. Пример: Ирак был «фактором критической нестабильности в регионе...». Это хороший эвфемизм, позволяющий делать что угодно и когда угодно. Резонный вопрос: кто определяет эту «критическую нестабильность»? Буш мл., который едва ли знает, где находится Ирак? Рамсфельд, который горячо пожимал Саддаму руку, а потом первый ратовал за его устранение? Пол Вулфовиц, один из основных идеологов «американской гегемонии», который и придумал иракскую кампанию...? Кто такие эти люди, чтобы доверять их оценке «критической нестабильности»? Если мы (я, например) не доверяли Брежневу и Андропову, почему мы должны доверять им?

Почему, когда Саддам травил газом курдов, все было «стабильно», и гарант демократии в мире плевать хотел на десятки тысяч смертей? А вдруг, после 9/11, словно рояль в кустах, возникает «критическая нестабильность»...

С разведкой все, думаю, было в порядке. Если бы хим. оружие у Ирака было, его бы нашли. Это не иголка, а Ирак – не СССР, и спрятать его так, чтобы не было и следа – очень маловероятно. Ирак стал козлом отпущения после в целом проигранной кампании в Афганистане.

Что касается лжи: <https://www.dw.com/en/the-iraq-war-in-the-beginning-was-the-lie/a-43301338>

Таких публикаций масса. Прочтите на эту тему книги независимых журналистов и экспертов.

Сергей Мурашов → Аркадий Недель

Вы пользуетесь клише, похожими на те, которыми пестрили передовицы советских газет.

Аркадий, надеюсь, что Вы не хотели, чтобы я Вам здесь изложил все свои мысли по поводу Ирака, вкуче с аргументацией и анализом разных источников? А без этого любой краткий ответ можно обозвать хоть «клише», хоть еще как, если есть желание обзывать.

Что же до «лжи», то «ложь» – это намеренное предоставление ложной информации, т.е., чтобы «лгать» человек должен знать правду, но говорить другое. В статье по Вашей ссылке имеется пример – беженец из Ирака, долгое время кормивший немецкую разведку сказками про вымышленные им иракские объекты, – вот это – ложь, без кавычек. И этот человек вряд ли был один.

Решение начать войну строилось на информации от разных разведок – в т.ч. американской, британской, немецкой. Что же, все эти разведки нарочно лгали? И все прекрасно понимали, что в Ираке никакого ОМП найдено не будет? Как хотите, а «независимые журналисты и эксперты» должны бы осторожнее обращаться со словом «ложь».

Я понимаю людей, принимавших решения: угроза была слишком серьезна, хим. оружие у Саддама прежде было, и он не раз его применял против курдов, и оснований верить в то, что он его продолжал иметь, было достаточно.

А люди – всего лишь люди, все ошибаются – и я, и Вы, и президенты, и генералы, и рядовые эксперты, и опытные советники. Как по мне, то, что ОМП в Ираке не нашли, означает лишь это – что его не нашли, а то, что «его не было» – избыточное утверждение, не опирающееся на факты: если кто-то не нашел в лесу грибов, а на своей кухне тараканов, означает лишь то, что он их не нашел, и ничего больше.

Вы спрашиваете, «кто определяет критическую нестабильность». Ну давайте мы с Вами попробуем определить. Саддам Хуссейн начал две большие войны, одну – против Ирана, и вторую – против Кувейта. Саддам неоднократно применял химическое оружие. Саддам проводил исследования для создания ОМП. Саддам, благодаря нефти и полному контролю над страной, имел достаточно средств для создания ОМП и его применения против, например, Израиля (во время войны в Заливе Саддам уже направлял на Израиль 39 баллистических ракет).

Вы после всего этого сможете настаивать, что Ирак Саддама не «угрожал критически стабильности»? Правда что ли?

Насчет доверия разным людям. Да, доверять не стоит, наверное, никому, у людей слишком много для этого разных недостатков... Но то, что Ирак Саддама был реальной угрозой миру – это просто факт, легко демонстрируемый на пальцах. То, что у американцев получилось далеко не все, и не так, как задумывалось – это тоже факт. Но мы теперь уже никогда не узнаем – лучше бы было, если б Ирак оставался под Саддамом, или хуже. Мне кажется, что лучше, как сейчас. Кому-то может казаться иначе. Но спорить тут вряд ли есть о чем.

Аркадий Недель → Сергей Мурашов

Давайте проясним ситуацию (поскольку наш диалог, как я понимаю, касается более общих политических проблем): как Вы, наверное, поняли, я – не поклонник Саддама. Моя критика иракской войны, точнее американской политики в этом регионе, состоит в следующем: во-первых, почему Саддама убрали только после 9/11? Американцы прекрасно знали, кто он и что от него можно ждать. Если они считали, что у него есть хим. оружие, почему не были предприняты меры ранее? Израиль уничтожил иранский ядерный реактор за один день, когда увидел в этом реальную угрозу. То же самое могли сделать

с Ираком. Во-вторых, нападение на Кувейт было спровоцировано, и Саддам, думается, понимал, что это для него самоубийство. Как пишут некоторые арабские источники, он пошел на это из-за определенных внутривнутриполитических причин. В-третьих, все выпущенные ракеты по Израилю в 1991-м (их было больше, чем 39) оказались пустышками. Как раз в это время я был в Израиле и хорошо помню панику вокруг этих обстрелов и всеобщую раздачу противогазов. Если бы у Саддама на самом деле было что-то более серьезное, вряд ли бы он стрелял холостыми патронами. Мы с Вами можем использовать только открытые источники, но я считаю, что история с ОМП у Ирака как причина войны была именно сознательной ложью. Американцы слишком давно и тесно сотрудничали с Саддамом, чтобы не проверить этого парня вдоль и поперек. Что касается «людей, принимавших решения», то главный мотив этих людей, Сергей, – упрочение своей власти, что в принципе понятно. Любые другие мотивы – театральная декорация, не более того. Правда сказать, эти люди по сути никогда и не скрывали этого. Ирак – одна из клеток «шахматной доски» – метафора Бжезинского, – который, к слову, вообще считал, что править миром должны такие люди, как он.

Изменить мир? А почему бы и нет? Мир меняют идеи, а не оружие и даже не деньги (это только средство). Природа власти такова, что при отсутствии критического интеллектуального сопротивления она всегда, хотим мы этого или нет, даже в такой свободной стране, как США, становится тоталитарной. Пример: Home Land Security при Буше мл. Кто бы мог подумать, что в США за кратчайшее время можно создать институт политической полиции и сделать из любого американца потенциального террориста?!

Сергей Любимов → Аркадий Недель

Деньги тоже важны. Дик Чейни, который в качестве министра обороны руководил «Бурей в пустыне», перед назначением вице-президентом США пять лет был главным исполнительным директором нефтесервисной компании «Халлибертон». Именно она первой получила огромные подряды после завершения второй войны в Ираке. Кстати, он же «руководил» событиями 9-11, пока Буш-младший читал детям у брата-губера во Флориде книжки, а потом прятался. И конечно удар по Саддаму сразу после 9-11, в котором его даже не обвиняли, был чрезвычайно логичен.

Эдуард Гурвич → Аркадий Недель

Аркадий, Вы утверждаете, что «опыт Камбоджи (по числу убитых людей) самый ужасающий в XX веке в послевоенный период. Ни в какой стране мира власти не сумели уничтожить четверть населения страны». Любой непредвзятый стилист обратит внимание на слово «самый». А это уже сравнение, согласитесь. И второе. Мне очень трудно принять Ваш максимализм, когда речь заходит о Западе. Тут Вы видите и «преступление западных стран», и нейтралитет и невмешательство в дела «плохих стран». Но никакого такого максимализма в оценках режима Автократии в России у Вас нет.

Аркадий Недель → Эдуард Гурвич

Эдуард, что касается Запада: все верно, я живу и во Франции и в России, однако тот факт, что я во многом «западный» человек, как минимум,

по образованию, не означает, что Запад – вне критики, как жена цезаря. Позволю Вам также заметить, что Англия, в которой Вы живете, самая, наверное, по-настоящему свободная страна даже по сравнению с Францией или Германией. Но дело даже не в этом. Будучи думающим человеком, Вы же прекрасно знаете, что европейская политика всегда руководствовалась своими интересами (что, впрочем, естественно), и при всей декламированной демократии, западные страны делают ту политику, которая выгодна им на данный момент. Мы, интеллектуалы, не должны расслабляться в неге «подаренной» нам демократии, а пытаться сохранять острый взгляд на ситуацию. К обсуждению российского контекста, если позволите, мы вернемся чуть позже, после моей публикации на эту тему.

Психоделик Путин

О президенте России Владимире Путине написано и сказано очень много. Как правило, это оценки какого-то его внешнеполитического поступка, либо анализ очередного указа или выступления, касающегося дел внутри страны, или же еще одно журналистское расследование о его прошлом, как, например, фильмы Андрея Кондрашова или Виталия Манского. Если о президенте России пишут западные официальные СМИ, то это скорее негативные оценки его деятельности, как во внешней политике, так и во внутренних делах.

Путин неоднократно появлялся на обложке журнала Time, который выбирал его «человеком года», «Форбс» не раз назначал его самым влиятельным человеком в мире. Его любят политические карикатуристы, изображая Путина то в царском обличии, то как кукловода, управляющего марионетками – другими современными политиками, – то стилизованным под Гитлера, Сталина и т.п. Одна из самых, наверное, удачных карикатур принадлежит китайскому художнику Жу Ци Цуну, это пародия на картину Репина «Бурлаки на Волге» (1873), где вместо бурлаков изображены лидеры от Ленина до Путина, которые тащат баржу, символизирующую Россию.

Все основные публикации о Путине можно в целом разделить на две категории, которые могли бы вполне уместиться в манихейскую картину мира, где добро и зло поделены соответственно между мифическими персонажами – Ахура Маздой и Ахриманом.

Российский президент – спаситель страны, человек, сильно улучшивший уровень жизни народа, поднявший экономику, вернувший Россию в качестве серьезного игрока на международную арену после долгого простоя в 1990-х; человек, который вернул россиянам гордость за свою отчизну, не прогнувшийся перед западным давлением и санкциями, умный политик, спортсмен, человек слова и т.п. Это – Путин добра, Путин-Ахура Мазда.

Человек, превративший Россию в феодальную систему, сосредоточивший в своих руках огромную власть, диктатор, расставивший во всех властных структурах своих людей, мафиози, контролирующий львиную долю богатств страны; политик, развязывающий новую холодную войну и т.д. – это Путин-Ахриман, представляющий силы зла.

Однако оба этих манихейских начала Путина, если следовать прессе, имеют одно общее свойство: они показывают руководителя страны с политической точки зрения, то есть они судят о нем при помощи тех же средств (языка, визуальных образов и т.д.), которые он – его консультанты и журналисты – использует в построении своего образа в массовом сознании как российского, так и западного. Иначе говоря, за редкими исключениями, Путина привыкли видеть и оценивать через призму власти, чья семиотическая система достаточно ограничена. А если совсем просто: Путина видят его глазами, если слово «его» понимать несколько шире как систему дискурсивных практик о конкретной фигуре, а не только как знак (анафору), указывающий на конкретное лицо. При этом категории «добра» и «зла» здесь относятся не столько к Путину как конкретному человеку, поскольку добр он или зол на самом деле знают, вероятно, только его близкие и ближайшее окружение, как и у любого человека. Эти категории относятся к Путину, воспринимаемому извне.

Если оставаться в рамках такого «манихейского» восприятия российского президента, то я бы мог здесь сказать следующее: Путин – никакой не «диктатор», потому что для диктатуры необходима жесткая, по возможности когерентная идеология, которой в России сейчас нет. Путин также не «спаситель», потому что для этого нужно отречение от материального мира и вывод своего мышления в область трансцендентного, что не его случай. Но как бы то ни было, манихейская картина мира в данном случае для меня недостаточна, а проще говоря, банальна.

Поэтому рискну предложить иную интерпретацию феномена российского президента: Путин – это психоделик, достаточно сильный и официально разрешенный. По своему классу

и способу воздействия он схож с аяуаской, известным алкалоидом, употребляемым шаманами бассейна Амазонки, или диметилтриптамином (ДМТ), известным синтетическим галлюциногеном, с которым проводили научные опыты в 1990-х в Америке.

Наркотик класса аяуаски или ДМТ обладает той особенностью, что переключает сознание человека из привычной реальности в иную, более сложную, непонятную, порой пугающую и одновременно притягивающую реальность, где может раскрыться иное видение, а вместе с ним и иные смыслы, о которых человек мог только догадываться, но чаще всего даже не подозревал. ДМТ воздействует на эпифиз (шишковидную железу), один из самых загадочных и неизученных органов человеческого организма. Известно, что эпифиз активно развивается в детском возрасте, а потом как бы засыпает у подавляющего большинства людей. Французский философ Рене Декарт считал, что эпифиз – это место души. Согласно эзотерическому буддизму в Тибете, эпифиз представляет собой «третий глаз», которым умеют видеть продвинутые практики, монахи и святые. Современные теории считают, что эпифиз, помимо прочего, ответственен за выброс серотонина, «гормона эйфории».

Люди, имевшие опыт употребления аяуаски или ДМТ, рассказывали о своих ощущениях: меняется привычное восприятие пространства и времени, они как бы сливаются во что-то одно целое, склеиваются таким образом, что деление на прошлое, настоящее и будущее теряет всякий смысл. Меняется самоощущение, представление о «я»; последнее более не выглядит как не подлежащая сомнению очевидность. «Я» предстает как бесконечное самоотражение, например, как в случае двух зеркал, поставленных друг напротив друга. В ходе эксперимента, который проводил американский врач Рик Страссман, многие ДМТ-ишники отчетливо ощущали, как их индивидуальное «я» подключается к чему-то неизмеримо большему, теряя границы этой индивидуальности. Интересно, что после опыта с ДМТ практически все утверждали, что существование «я», так, как мы его понимаем в обычной жизни, дающее нам ощущение себя как индивидуальных сущностей, не более чем заблуждение. Более того, не существует «я» или «не-я» а только связность всего со всем, такая связность, при которой границы – иллюзия.

Основное воздействие психоделика состоит в том, что упраздняется параметр «внешнего». Человеку может казаться, что он наблюдает за чем-то со стороны, но это наблюдение оказывается внутренним опытом в ДМТ-реальности; сознание человека становится похожим на ленту Мебиуса, где нет различия между внешним и внутренним.

Примерно таким же образом действует психоделик Путин. Начать с того, что едва ли в какой-либо другой стране президенту уделяется столько внимания, и нельзя сказать, что это началось в последние несколько лет. Утверждение, что российское общество как-то особенно политизировано, что, впрочем, сомнительно, вряд ли сможет прояснить ситуацию. По-настоящему политикой в России интересуются 2-3% населения, но интерес к Путину гораздо больше.

Почему Путин – это психоделик? Потому что эффект его воздействия на сознание таков, что последнее теряет параметр «внешнего». Находиться в реальности «Россия» и никак не воспринимать Путина невозможно, как невозможно не воспринимать реальность, порожденную любым другим психоделическим опытом.

Могут возразить: таким же психоделиком был Сталин, Брежнев или даже Горбачев. Но такое возражение будет неправильным. Все эти «бурлаки» отличаются от Путина тем, что их воздействие на массовое сознание было результатом достаточно мощной идеологии – у Сталина она была тотальной, а при Горбачеве превратилась в свое отрицание с не меньшей силой. Путин же – единственный глава государства, при котором идеология сменилась на психоделический трип, и надо признать, что в наше время сама политика все более приобретает черты последнего.

Эффект воздействия Путина, если грубо, уместается между двумя экстремальными улетами. Первый, максимально позитивный улет, назовем, для простоты, «Соловьев»; второй, негативный, – «Навальный». Между ними существуют пятьдесят или более оттенков психо-

делического опыта Путин, в который вовлечен, наверное, каждый житель России, как и немалое число людей на Западе. Это кажется верным, поскольку, к примеру, многие участники протестного движения «Желтых жилетов» во Франции не раз вспоминали Путина, противопоставляя его Макрону. Именно его, а не кого-то другого.

Еще один эффект: о Путине не говорят нейтрально в том плане, что «ко мне это не имеет отношения...» Надо сказать, что Путин дает себя «попробовать» больше, чем любой другой западный политик. Его ежегодные многочасовые встречи лицом к лицу с журналистами и представителями общественности, что стало уже традицией, есть не что иное как психоделический трип с мастером вроде тех, которые устраивают мастера аяуаски в Перу для туристов.

Гипотеза о психоделике Путин не должна подвести читателя к мысли о том, что все это – результат работы СМИ, умелой пропаганды и т.д. Скажу сразу, что это не верно; это следствие, а не причина. На мой взгляд, секрет психоделического опыта Путин состоит в том, что он сумел отключить внешнего наблюдателя (как это описано выше) и развязать индивидуальные (микрполитические) «я» так, что они находятся в постоянном движении между двумя указанными улетами.

Как и любой сильный психоделик, Путин пробуждает другое сознание – *alia conscientia*, – возникшее в результате или как ответ на действие первого. Как бы парадоксально это не прозвучало, *alia conscientia* Путина – это Сергей Шнуров (Шнур), точнее – эстетика его творчества в последние несколько лет. Шнур является трикстером, занимающим пространство где-то между властью и обыкновенными людьми, бесконечно далекими от нее. Эстетика шнуровских песен и клипов устроена таким образом, что она нейтрализует или, еще точнее, дополняет психоделик Путин так, что опыт последнего проигрывается в максимально понятных, близких образах. Иначе говоря, Шнур перекодирует язык и опыт власти в видеонарратив, который также во многом психоделичен, но при этом обладает абсолютной узнаваемостью.

Клип песни «В Питере пить» (2016) построен как серия злоключений, произошедших в один и тот же день с разными людьми – по структуре клип напоминает «Криминальное чтиво» (1994) К. Тарантино, – которые в концовке образуют единую компанию. В «Вояже» (2017) преступник грабит банк вместе со своей подругой, при этом девушка погибает в результате смертельного ранения. Герой сжигает тело подруги в машине, после чего тратит награбленные деньги в дорогих отелях и на яхтах в компании моделей. Полиция находит его в ночном клубе, но будучи в наркотическом опьянении, герой погибает от расстрелявших его из автоматов полицейских. Весь клип смотрится как история мгновенного успеха и быстрой гибели человека из толпы. «Кольчик» (2017) рассказывает историю женщины и ее дочери, которых оставил мужчина. Клип к песне, снятый Ильей Найшуллером, выполнен техникой обратного монтажа – цепь сюрреалистических трагических событий в цирке, приведших к гибели многих людей, показана с конца до начала.

При внимательном анализе сложно не заметить, что Путина и Шнура объединяет одинаковое мастерство, с которым они выстраивают восприятие своего материала: политического, абстрактно понятного, но и далекого, потому что он принадлежит власти, и эстетического, полностью понятного – данного в образах массовой культуры.

«Массовость» Путина и Шнура сопоставима, но она по-разному смонтирована или, другими словами, в едином психоделическом опыте у них различные функции. Путин задает интенсивность этого опыта, в то время как Шнур проводит по нему так, чтобы человек смог вернуться к своей исходной позиции.

Сергей Любимов → Аркадий Недель

Ну как же, а Ленин – гриб. Очевидно, что это в том же психоделическом направлении, принятие которого вместе с сопутствующими ему грибами ввергло Россию в длительный бэд-трип, эффекты от которого ощущаются и доселе. Можно спорить лишь о том, относится ли Ленин к псилоцибиновым

грибам, или более близким отечественным реалиям и традициям – мухоморам. Лично мне ближе последняя точка зрения, поскольку психоделический бэд-трип, вызванный мусциолом и иботеновой кислотой, осложняется токсическим эффектом мускарина.

Аркадий Недель → Сергей Любимов

Сергей, если уж на то пошло, Ленин – грибник (шаман), который сумел собрать команду грибоедов и накормить их грибами, возможно, пораженными спорыньей.

В Средние века рожь, которую поражала спорынья и, соответственно, хлеб, который ели крестьяне, вызывала массовые волнения, истерии и коллективные помешательства. Известно, что в Первом крестовом походе (1096), организованном папой Урбаном III, участвовало много крестьян, наевшихся спорыньи. Накануне Французской революции 1789 году, как сейчас установлено, случилась суровая зима, рожь ослабела и тоже была заражена этим галлюциногеном. Так что исключать тот факт, что эрготизм сыграл свою роль в русской революции и последующих событиях – нельзя.

Сергей Любимов → Аркадий Недель

Спорынья грибы не поражает. Версия эрготизма может рассматриваться как параллельная, однако перебои с хлебом и голод делают ее менее убедительной. К тому же галлюциногенный эффект спорыньи, близкий к эффекту ЛСД, все же перекрывается ее сильной ядовитостью. Тем более что случай массового поражения спорыньей ближе к концу 1920-х гг., а России был описан, вне всякой связи с революционными событиями.

Эдуард Гурвич → Аркадий Недель

Очень интересный взгляд. Вы рождаете интересные дискуссии тут. Терпите.

Аркадий Недель → Эдуард Гурвич

Насчет Шнура, боюсь, я не смогу объяснить лучше, чем так, как я уже написал. Попробуйте послушать и вдуматься в эти его песни-клипы...

Путин – психоделик в том смысле, который мной изложен. Опять же, не знаю, как объяснить проще... Мне кажется, все достаточно прозрачно.

Алексей Буров

У Пелевина нечто подобное было, если память мне не изменяет. Продолжая этот образ, я бы добавил, что продолжающееся действие «психоделика» требует от власти создания новых захватывающих психоделических видений.

Аркадий Недель → Алексей Буров

Я категорически настаиваю на том, что никакого фашизма в России нет – ни постмодернистского, ни тем более классического. Это новый тип политики, причем характерный не только для России, психоделического (политического) «улета». Это требует своего дальнейшего анализа, но канва, мне кажется, именно такова. Если уж употреблять термин «постмодернистский» (хотя он уже устарел), то фашизм сейчас в Европе, в той же Франции, где этатизм

достиг раблезианских масштабов, где государство свело гражданское общество к нулю, играя с огнем. Желтые жилеты тому пример.

Владимир Генин

Надеюсь, Аркадий, что я не обижу Вас довольно прямым и резким высказыванием. Но вот рассуждения о Путине как о психоделике кажутся мне приданием ему какого-то пусть не мистического, но необычного и «заинтересовывающего» статуса, которым не пахнет – если, конечно, он не является психоделиком лично для вас. То есть для меня эта интересная гипотеза отдает некоторой манипулятивностью: под видом как бы трезвого научного разъяснения скрывается противоположная идея, и Ваша статья оказывается гораздо более «психоделической», чем ее предмет. Вывод, который напрашивается из статьи, даже если Вы этого и не хотели – как ни крути, а что-то магическое в этом Путине есть!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.